

ЦЫМБУРСКИЙ В.Л.

НЕТНО-НОМЕРИКА

(НАРЕЧЕНИЕ ОДИССЕЯ И НАРЕЧЕНИЕ ЗЛОГО БРАТА В
ХЕТТСКОЙ «СКАЗКЕ ОБ АППУ И ЕГО СЫНОВЬЯХ»)*

«Илиада» и «Одиссея» создавались в Малой Азии в условиях постоянного общения греков с иными народами этого полуострова, в значительной части принадлежавшими к хетто-лувийской языковой семье, то есть обитавшими на малоазийской земле уже, как минимум, полтора тысячелетия. У самих греков ко времени оформления этих памятников было за спиной не менее 600 лет присутствия в этом регионе – считая с конца XV в. до н.э., когда в западноанатолийских городах появляются микенские импортные изделия, а в хеттских документах – первые упоминания о стране *Aḫḫiya*, позднее *Aḫḫiyawa*, *Aḫḫiyuwa*¹ (я не касаюсь здесь весьма вероятного пребывания какой-то раннегреческой группы в Западной, особенно в Северо-Западной Малой Азии, по крайней мере, с начала Трои У1, то есть с XV в. до н.э., а также гипотезы, предполагающей в этом регионе промежуточную прародину греков или какой-то их ветви, непосредственно предшествовавшую их проникновению на Балканский полуостров²).

Все эти обстоятельства, а также несомненное хетто-хуритское влияние на гесиодовскую «Теогонию» с ее схемой божественных поколений объясняют

* Вестник древней истории 2005, № 2.

¹ См.: Güterbock H. The Hittites and the Aegean World I. The *Aḫḫiyawa*-problem reconsidered// AJA. Vol.87, 1983. P.133-138; Mellink M. The Hittites and the Aegean World II. Archeological comments on *Aḫḫiyawa* - Achaians in Western Anatolia Ibid. P.138-142; Güterbock H. Hittite and Akheans // Proceedings of American philosophical society. Vol.128,1984. P.114-122; Schachermeyr F. Mykene und das Hethitereich. Wien, 1986; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.1996. Можно с определенностью утверждать, что после указанных работ Гютербока и, особенно, Шахермейра уже не на сторонниках отождествления Аххиявы с ахейской Грецией должно лежать бремя доказательства этого тезиса, но на противниках этого тождества – тяжесть его опровержения.

² Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean //AJA, vol.62, 1958. P.9-34; Блеген К. Троя и троянцы. М.,2002. С.177-179; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси 1984, т.2.С.899; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое // ВДИ,1994, №4. С.19-39; Они же. Троя и «Пра-Аххиява»// ВДИ, 1995, №3. С.14-37; Цымбурский В.Л. Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 75-летию со дня рождения Л.А.Гиндина)// Вопросы языкознания, 2003, №3. С.15-30.

интерес хеттологов, филологов-классиков и индоевропейцев к выявлению перекличек между гомеровским эпосом и клинописными хеттскими памятниками древнего Хаттусаса (Богазкёй).

Едва ли не первым по времени достижением в этой области стала впечатляющая статья Г.Штайнера (1971г.), показавшего фактическое тождество обряда вызывания мертвых в «Одиссее», совершаемого на берегу мировой реки Океан (XI, 23 и сл.), и хеттского ритуала заклинания на речном берегу подземных богов или «прежних богов» (karuileš šiuneš) из текста KUB УП,41³. Помимо соответствий собственно в процедуре жертвоприношения (искапывание мечом или кинжалом ямы на берегу, убийство овец над ямой, сопровождаемое возлияниями и растительными жертвами), Штайнер отметил и иные параллели: неоднократное упоминание о Персефоне, высылающей мертвых навстречу Одиссею (XI, 47,213,216,226,385,635), соответствует обращению в хеттском ритуале к богине – подземной владычице по прозванию «Солнце Земли» (taknaš dUTU=uš), а фигура выходящего к герою из Аида пророка Тиресия – богу-пророку Адунтари, открывающему вместе с толковательницей снов богиней Цулки ряд вызываемых «прежних богов». Функции хеттского обряда, предназначенного очистить заказчика от «крови, скверны, лжи, клятвопреступления», проливают неожиданный свет на консультацию Одиссея с Тиресием о способе умиловить гневного Посейдона, преследующего Лаэртида за увечье, причиненное сыну бога киклопу Полифему. По мнению Штайнера, с учетом этого хеттского (возможно, хурритского по происхождению) текста должен быть совершенно по-новому решен старый гомероведческий спор насчет смысла гомеровской «Некии» - представляет ли она по сути вызывание мертвых или путешествие в Аид. Ученый предположил, что изначально речь должна была идти о воспринятой греками в Анатолии идее обрядового очищения от скверны через жертву подземным богам. Вторично в связи с образом подземного божественного пророка описываемый ритуал был переосмыслен в ключе вопрошания «оракула

³ Steiner G. Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte // Ugarit-Forschungen, Bd.III, 1971. S.265-283; Штайнер широко использовал перевод текста KUB VII, 41, представленный в работе: Otten H. Eine Beschwörung der Unterirdischen aus Bogazköy // ZA. Bd.54,20, 1961. S.114-157.

мертвых» и обогащен рассказом о встрече Одиссея с разными умершими героями и героинями – что, наконец, и дало повод, под влиянием аргонавтических мотивов путешествия на край света, к Океану, перенести «Некию» на берег мировой реки и в целом аранжировать данный эпизод в виде «плаванья в страну мертвых».⁴

За работой Штайнера последовала в 1980-х и начале 90-х серия публикаций Я.Пухвела на темы хетто-гомеровских дискурсивных «встреч» - как выразился этот исследователь, «хеттских ответов на гомеровские вопросы».⁵ Эти разработки неравноценны, но среди них налицо подлинные открытия. Таковым, несомненно, следует считать, пухвеловское разъяснение формы *προθέουσι* в II. I,290-291 (слова Агамемнона об Ахилле) *εἰ δέ μιν αἰχμητὴν ἔθεσαν θεοὶ αἰὲν ἔοντες, / τοῦνεκά οἱ προθέουσιν ὀνειδέα μυθήσασθαι* «ежели вечно сущие боги сделали его копейщиком, / (так) ради этого они ему *προθέουσι* изречь ругательные слова?». Значение глагола здесь настолько очевидно расходится с обычным смыслом *προθέουσι* «бежать впереди кого-либо», что составители словарей обычно склонны здесь видеть аномальное образование от *πρότιθμι* в одном из многих его употреблений – именно «назначать, определять». Однако Пухвел блестяще показал, что *προθέουσι* в II. I, 290-291 (и только в этом контексте из всех известных) может представлять точный аналог к хет. *riḡan ḫuwaḯ-* или *paḡa ḫuwaḯ-* букв. «бежать впереди кого-либо», но применительно к богам имеющему специальное значение «прикрывать, защищать кого-либо из смертных (обычно царя), покровительствовать ему в некоем деле».⁶ Эта уникальная гомология словесных клише, характеризующих божественное покровительство смертным избранникам, - один из тех случаев, когда можно думать, говоря словами Пухвела, «о культурных связях, тянущихся из среды

⁴ Штайнер (Op.cit.,S.277) впервые обратил внимание на функциональное уподобление пришедшей из аргонавтических сказаний Кирки, подготавливающей Одиссея к его путешествию в Аид, и хеттской исполнительницы очистительных ритуалов – «старой женщины» (SAL.ŠU.GI, хет. *hassawa*). Через несколько лет к тому же сближению пришел, похоже не зная о статье Штайнера, Л.А.Гиндин в работе «Ритуально-мифологический смысл десятой песни «Одиссеи» (Balcanica:Лингвистические исследования. М., 1979. С.190-200),- но пришел весьма окольным путем, отталкиваясь от статьи В.Н.Топорова «Хеттская SAL.ŠU.GI и славянская баба-яга» (Краткие сообщения Института славяноведения и балканистики АН СССР. Вып.38, 1963. С.28-37) и используя ритуалистскую интерпретацию сюжетики русской волшебной сказки по В.Я.Проппу как *tertium comparationis* между обрядами SAL.ŠU.GI и функциями Кирки в «Одиссее».

⁵ Puhvel J. Homeric questions and Hittite answers // American Journal of Philology. Vol.104, 1983 P.217-227; Id. On Anatolian turn of phrase in Iliad //American Journal of Philology.Vol.,109, 1988. P.591-593; Id. Homer and Hittite. Innsbruck, 1991.

⁶ Puhvel. On Anatolian turn of phrase...

аэдов Восточной Ионии через азиатов-троянцев с их *interpretatio Graeca* и их (лувийско-) ликийскими союзниками – в самое средоточие (*heartland*) анатолийской культуры, воплощенное в хеттских текстах»⁷.

Хетто-гомеровские схождения по сей день остаются благодатной и благодарной темой для изысканий, каковые приносят и, без сомнения, принесут еще немало находок. Так, в начале 1990-х я обратил внимание (и позднее тезисно воспроизвел это наблюдение в нашей книге с Л.А.Гиндиным «Гомер и история Восточного Средиземноморья») на формульную «встречу» УП песни «Илиады» (строки о поединке Гектора с Аяксом) и эпизода столкновения хеттского войска с колесничной армией Атрисияса (Атресия) или Атарсиса (ср.варианты передачи этого имени ¹at-ta-ri-si-ja-aš и ¹at-tar-si-ia-aš) из страны Аххия в памятнике конца XV-начала XIV вв. до н.э. «текст о Маддуваттасе».⁸ Этот хеттский контекст выглядит так: Vs.(63)...ki-iš-na-pí-li-ša A.NA ¹at-ta-ri-ši-ia me-na-aḫ-ḫa-an-ta za-ah-hi-ia pa-it n[u] ŠA ¹at-ta-ri-iš-ši-ia C ^{GIŠ} G[IGIR..]-ir nu za-aḫ-ḫi-ir (64) na-aš-ṭa ŠA ¹at-ta-[ri-iš-š]i-ia-ia 1LÚ SIG₅ (-in) ku-e-nir | an-zi-el-la-kán 1 LÚ SIG₅ ¹zi-da-a-an-za-an ku-e-nir nu-za? at-ta-ri-iš-ši-ia-aš(65) A.NA ¹[ma- a]d-du-ua-at-ta[.?.]-ne-e-a-at na-aš-za ar-ḫa I.NA KUR.ŠU pa-it⁹. «(63)..Киснапили против Атрисия на битву вышел; и 100 колесниц Атрисия... и сразились, (64) и у Атрисия одного «хорошего мужа» убили, и у нас одного «хорошего мужа», Циданцу, убили. И Атрисия (65) от Маддуваттаса (отступился и) назад в свою страну ушел».¹⁰ В литературе давно уже высказано мнение о том, что этот пассаж – «возможно,... одно из наиболее ранних письменных сведений о поединке, которым была решена участь сражения»¹¹, причем воины,

⁷ Puhvel. *Homer and Hittite*. P.10.

⁸ Цымбурский В.Л. *Netto-Homerica*// Балканские чтения. 1.Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990. С.35-36; Гиндин,Цымбурский. Гомер и история Восточное Средиземноморья. С.67.

⁹ Цит. по: Goetze A. *Madduwattaš*. Lpz., 1928. S.16.

¹⁰ А.Гетце и Ф.Зоммер понимали LU.SIG₅ в военных контекстах как обозначение некоего не самого высокого («офицерского») предводительского ранга Goetze. *Op.cit.*, S.128; Sommer F. *Die Ahhiyawa-Unkunden*.München, 1932. S.336.

¹¹ Ардзинба В.Г. Хеттское царство. // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке М., 1987. С.108. См. замечание Гютербока по поводу этого эпизода (Güterbock. *The Hittites and the Aegean World*. I... P.134): «Тот факт, что в контексте колесничной битвы смерть по одному вождю с каждой стороны выделяется, даже с указанием имени хеттского вождя, - уникален в хеттских исторических текстах и несколько напоминает гомеровские битвы». Можно сказать, иными словами, что этот пассаж «Текста о Маддуваттасе» скорее выдержан в манере героического эпоса, чем известных по хеттским архивам исторических хроник-анналов, и возможно это обстоятельство сказалось в особенностях фразеологии.

выступившие в качестве поединщиков, обозначаются в хеттском тексте идеограммой LÚ.SIG₅ «хороший муж». Нельзя пройти мимо того явления, что в УП песне «Илиады» - песне, находящейся в стороне от основного гомеровского сюжета и по мнению многих гомероведов представляющей инкорпорированный эпизод из догомеровского троянского эпоса греков¹², - герои, вызываемые на единоборство с Гектором, устойчиво характеризуются выражениями ἄριστος, ἀριστεύς «наилучший», ἀνὴρ ἀριστεύων «муж, являющий себя в качестве наилучшего». См. II.VII,73 (слова Гектора, далее с небольшой вариацией повторяемые Нестором в VII,159) ὑμῖν δ' ἐν γὰρ ἔασιν ἀριστῆες Παναχαϊῶν, «ведь среди вас – лучшие из всех ахейцев»; УП, 90 сл. (предполагаемые слова потомков об ахейце, сраженном Гектором) ἀνδρὸς μὲν τότε σῆμα.../ ὄν ποτ' ἀριστεύοντα κατέκτανε φαίδιμος Ἐκτώρ «Это памятник мужа... какового некогда, демонстрирующего свою доблесть (букв. «являющего себя в качестве наилучшего») сразил блистательный Гектор»; УП, 226,сл. (слова Аякса Гектору)...νῦν μὲν δὴ σάφα εἶσεαι...οἷοι καὶ Δαναοῖσιν ἀριστῆες μετέασι...»нынче ты ясно увидишь...,каковы и у данайцев лучшие»; УП,285 (Аякс о Гекторе) αὐτὸς γὰρ χάριμν προκαλέσσατο πάντας ἀρίστους «ведь он вызвал на битву всех наилучших». Общее ситуативное сходство между данными эпизодами «Илиады» и «Текста о Маддуваттасе» (в обоих случаях враждебная встреча крупных вооруженных сил анатолийского государства и Ахейской Греции, столкнувшихся в приморье Анатолии) усугубляется точным параллелизмом хет. LÚ.SIG₅ «хороший муж» и гом. ἄριστος, ἀριστεύς, ἀνὴρ ἀριστεύων применительно к воинам, часто предводителям, лично представляющим в битве каждое из войск (к чему, собственно, сводится и гомероведческий термин «аристия», если отвлечься от вторичного различения аристии как серии побед одного героя над рядом противников и поединка-мономахии). Похоже, что перед нами – отражение в хеттском и греческом источниках, разделенных шестью столетиями, однако и того же фрагмента военной культуры эгейско-анатолийского позднебронзового века.

В этой статье я бы хотел разобрать еще одну хетто-гомеровскую дискурсивную «встречу», которую, однако, имеет смысл рассматривать иначе, чем предыдущий случай – не в качестве древнего реликта, передаваемого из

¹² См. удачный обзор в кн.: Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». Спб., 1998. С.176-184.

века в век греческим эпосом, но на правах непосредственного заимствования в этот эпос из фольклора хетто-лувийских соседей по Анатолии – заимствования, предпринятого либо самим создателем «Одиссеи», либо, в крайнем случае, кем-то из его ближайших предшественников-аэдов. Речь пойдет об эпизоде наречения новорожденного Одиссея его дедом по матери – посетившим Итаку обитателем Парнаса Автоликом, в Od. XIX, 399 – 409 *Ἀυτόλυκος.../ παῖδα νέον γεγαῶτα κινήσατο θυγατέρος ἥς/ τὸν ῥά οἱ Εὐρύκλεια φίλοις ἐπὶ γούνασι θῆκεν.../ «Ἀυτόλυκ’ αὐτὸς νῦν ὄνομ’ εὔρεο, ὅττι κε θεῖο / παιδὸς παιδί φίλω πολυάρητος δέ τοί ἐστιν»./ Τὴν δ’ αὖτ’ Ἀυτόλυκος ἀπαμείβετο φώνησέν τε/ «Γαμβρὸς ἐμὸς θύγατέρ τε, τίθεσθ’ ὄνομ’ ὅττι κεν εἴπω./ Πολλοῖσιν γὰρ ἐγὼ γε ὀδυσσάμενος τόδ’ ἰκάνω, / ἀνδράσιν ἠδὲ γυναιξὶν ἀνὰ χθόνα πουλυβότειραν / τῷ δ’ Ὀδυσεὺς ὄνομ’ ἔστω ἐπώνυμον. «Автолик.../встретил новорожденного сына своей дочери./ Ибо оного ему Эвриклея положила на колени/...»Автолик сам нынче найди имя, чтобы положить/Чаду чада твоего.Ибо многожеланный он для тебя./ А ей Автолик отвечал, сказав:/ «Зять мой и дочь, положите имя, которое я назову/ Ибо пришел я сюда, гневаясь (ὀδυσσάμενος) на многих мужчин и женщин (живущих) на земле плодородной. Пусть же имя ему будет наречено «Одиссей». В литературе давно подмечено, что обычное у Гомера сближение имени Одиссея с глаголом ὀδύσσομαι «гневаюсь», «вражду» получает в этом месте уникальную мотивацию, расходящуюся с многократно выступающей в поэме трактовкой Одиссея как объекта гнева богов (Од. I, 60-62; V, 339-340, 423; XIX, 275-276). Имя, даваемое Автоликом любимому внуку очевидно не означает «Ненавистный», но «Гневный» (Hasser), «Враждующий» - как и сам Автолик, который «всех людей превзойдя в воровстве и клятвопреступлениях» (Од. XIX, 395-396), питает вражду ко множеству мужчин и женщин¹³ (ср. в переводе В.А.Жуковского «пусть назовется мой внук Одиссеем: то значит «Сердитый»).*

Я хочу обратить внимание на переключку этого места «Одиссеи» с одним эпизодом хеттской «Сказки об Аппу и его сыновьях», повествующей о рождении, возмужании и тяжбе двух братьев – Праведного и Злого, сыновей

¹³ Wüst E. *Odysseus* // Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Hbd. 34 Stuttgart, 1937, Kol. 1909. Там же о явно вымученной попытке гомеровского схолиаста (ad loc.) придать ὀδυσσάμενος в этом случае смысл μισηθεῖς, то есть подверстать этот случай под привычное гомеровское толкование Одиссея имени.

богача Аппу из страны Луллу.¹⁴ Интересующий меня эпизод, следующий за словами о рождении у Аппу первенца, я привожу в транслитерации Я.Зиегеловой¹⁵, за исключением одного знака, о котором поговорю в следующем абзаце: Rs.III (10) SAL [UMME]DA-aš-za DUMU.NITA-an kar-ar-ta na-aš-ša-an ^mar-pu (11)gi-nu-ua-aš ha-la-iš ^mar-pu-uš-za DUMU.NITA-an du-uš-ki-eš-ki-ua-an (12) da-a-i[š] na-an ku-un-ki-iš-ki-ua-an da-a-iš (13) nu-uš-ši-iš-ša-an ša-ni-iz-zi-lam-an ^{LU}HUL-lu da-a-iš (14) ku-u-ua-pi[(.-a)t-t(a)-aš]-m[i-i]š DINGIR^{MEŠ} - aš NÍG.SI.SA-an (15)KASKAL-an Ú-[UL e-ep-pi-ir(nu-za)] ^{LU}HUL-lu (вар. HUL-ra-an)KASKAL-an har-ki-ir (16) nu-uš-ši-i[š-ša-an ^{LU}HUL-l]u ŠUM-an e-eš-du «(10) нянька подняла сына и к Аппу (11) на колени положила. И Аппу сыну радоваться стал, и нянчить его стал (13) и положил ему сладкое имя¹⁶ «Злой». (14) «Поскольку (.) отчие мои боги благого (15) пути н(е выбрали, а) держали злой путь, (16) пусть е(му будет имя) «Злой»!».

Надо сказать, что мотивировка имени Злого сына не вполне ясна из-за практической невозможности одного знака в ст.14. В первой по времени (1949г.) транслитерации И.Фридриха, сделанной по основному списку сказки KUB XXLV 8, в этой строке после ku-u-ua-pi оставлен пробел, указывающий на повреждение текста и не позволяющий судить – кому, собственно, отчие боги Аппу не выбрали благого пути, дав тем самым основание наречь младенца «злым» именем¹⁷. Я.Зиегелова в своей транслитерации предлагает конъектуру ku-u-ua-pi-[(š)], основываясь на фрагменте другого списка (KUB XXXVI,59), где представлены утраченные в основном списке части последующего рассказа

¹⁴ Страна Луллу иногда локализуется где-то в горных областях на юго-западе Иранского нагорья (северная периферия Ассирии), то есть, словами И.Фридриха «в хуррито-аккадском пограничье» (Friedrich J. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache // ZA, Bd. 49(15). S.242). Впрочем, иные авторы сомневаются в возможности сколько-нибудь точно определить ее местонахождение (Siegelova J. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus {Studien zu den Bogazköy-Texten, 14}, Wiesbaden, 1971. S.19 ff.). Традиционно «Сказку об Аппу» причисляют к хеттским памятникам хурритского происхождения, см.:Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG NF Bd. I, 1922, S.188; Friedrich J. Op.cit. S.213; Иванов Вяч.Вс. – В: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер.Вяч.Вс.Иванова. М., 1977. С.289. Я.Зиегелова, перечисляя стилистические особенности,сближающие эту сказку с иными хеттскими текстами «хурритского круга» («Поэма о царствовании на небесах», «Песнь об Улликумми», «Миф о Хедамму», «Рассказ о бездетной рыбацкой чете», «Рассказ о горе Васитта»), вместе с тем допускает для нее более древние месопотамские истоки, на которые могли бы указывать упоминания божеств Мардука, Нанайи, Бога Солнца из г.Сиппара и т.д. Впрочем, тут же она указывает и на то, что предполагаемый иноязычный прототип хеттской сказки до сих пор нигде не засвидетельствован (Siegelova J. Op.cit., S.28-33).

¹⁵ Siegelova J. Op.cit., S.10 f.

¹⁶ К истолкованию формулы šanizzi laman «сладкое имя» в хеттских обрядах наречения младенцев см: Hoffner H. Birth and name-giving in Hittite texts // JNES. Vol. 27, 1968. P.201 sq.

¹⁷ Friedrich. Op.cit. S.220 ff.

о выборе имени для Праведного сына – со ссылками на выбранную богами в этот раз «благую дорогу». Два эпизода наречения сыновей Аппу впрямь построены параллельно, Однако сложность в том, что и в KUB XXXVI 59 знак после ku-ua-ri (тоже ст.14) сильно поврежден – надежно просматривается только один вертикальный клин, дающий некоторый повод для чтения š(i) «ему», каковое, однако, не является единственно возможным.¹⁸

Похоже, что конъюнктура Зиегеловой была подсказана идеей Г.Хоффнера, высказанной в его известной статье «Рождение и наречение имени в хеттских текстах» и позднее поддержанной в монографии Г.Бекмана о хеттских ритуалах, сопряженных с рождением ребенка.¹⁹

Согласно этим авторам выражение «злой путь» (^{LU}HUL-lu KASKAL-an или в другом списке HUL-ra-an KASKAL-an) представляет метафору для обстоятельств зачатия первенца у Аппу. В начале сказки повествуется о том, как бездетный, страдающий импотенцией богач Аппу обращается с жалобой к сошедшему на землю Богу Солнца. Тот, снизойдя к сетованиям Аппу, дает ответ Vs.II(6) i-it-[(za)] e-ku nu-za ni-in-qa nu-za pá-r-na-aš-ša (7) i-ia-an-ni nu-za DAM-KA aš-šu (8) ša-aš-ta-an še-eš-ki (š)a-aš-da-an-ta DINGIR.MEŠ-aš pi-an-zi (9) 1-an DUMU.NITA-an «(6)иди себе, пей допьяна и в дом свой (7) войди и с женой своей хорошо (8) на ложе возляг спать. На ложе твое боги (9) одного сына дадут.»²⁰ Хофнер и Бекман полагают, что под «злым путем» надо понимать подсказанное Аппу Богом Солнца зачатие первого из сыновей в алкогольном опьянении.

Показательно, что Вяч.Вс.Иванов, проигнорировав эту догадку Хоффнера, в своем переводе «Сказки об Аппу», местами приближающемся к вольному переложению, интерпретирует данный пассаж так: «Пока я был молодым, боги не выбирали для меня благого пути. Они мне определили злой путь. И имя пусть у него будет «Злой»!²¹ Для такого истолкования трудно найти подкрепление в тексте – если, конечно, не считать за основание для этой версии

¹⁸ Помнится, в конце 1980-х, когда я впервые обратил внимание на этот контекст в связи со сценой наречения из «Одиссеи», Л.С.Баюн в устной беседе высказала допущение, что поврежденным знаком вполне мог быть ua (ku-ua-ri-ua «поскольку, дескать...»). Пользуюсь случаем через 15 лет выразить благодарность за этот комментарий.

¹⁹ Hoffner. Op.cit.P.202 sq.; Beckman G. Hittite Birth Rituals (Studien zu den Bogazköy-Texten, 29). Wiesbaden, 1983. P.6.

²⁰ Siegelova. Op.cit.S.6 ff., с исправлением по KUB XXXVI 59 ошибочных написаний i-ia-an-ni в ст.7 и pa-aš-ma-ta в ст.8, вкравшихся в основной список.

²¹ Луна, упавшая с неба... С.162.

рассказ о мытарствах бездетного Аппу и его последующем исцелении божеством. Но важно допущение, что косвенным объектом («бенефициантом» в кавычках) выбора богов – тем, для кого они выбрали и держали «злой путь» – вполне мог быть и сам Аппу.

Мне хотелось бы с должной осторожностью указать в этой связи на один мотив, несомненно, присутствовавший в сильно разрушенной части текста между разговором Аппу с Богом Солнца и сообщением о первой беременности жены богача. Сперва в этой части содержался эпизод с возвращением Бога Солнца на небо, где Бог Грозы устраивал ему пир (Vs.I,11-20), во время которого между ними происходил некий разговор (Vs. I, 21 и сл.). Не исключено, что по ходу этой беседы боги почему-то переменили первоначальное решение насчет будущего потомства Аппу: если сперва Бог Солнца обещал ему, как мы помним, только одного наследника, то после встречи небожителей рождаются двое – Злой и Праведный. А затем в кусочках строк, уцелевших от начала колонки III^{Rs.}, прямо предшествуя зачатию и появлению на свет Злого сына, рассказывается о чем-то хождении в город, как-то затронувшем Аппу, – может быть даже о собственном его путешествии. См.: Rs III (1)[d]a-a-iš[...] (2) [nu]-ua-an-na-aš[...] (3)ú-da-ua^{URU}[...] (4) nu-kán^map-pu-i[...] (5) [p]a-i-ra-at^{URU}[...] (6)nu-kán ap-pu-ia[...] «(1) и начал...(2) «нас, мол, ...(3) понеси, мол, в город... (4) и Аппу (дат.падеж)... (5) пошли они в город... (6) и Аппу...».²² Встает вопрос: не может ли мотив «выбора» и «держания» богами сперва злой, а потом благой дорог (^{LU}HUL-lu / HUL-ra-an KASKAL-an vs. NIG.SI.SA-an KASKAL-an), давших повод к наречению первого сына Злым, а второго – Праведным, вовсе не иметь метафорического характера, но быть связанным с некими обстоятельствами путешествия, предпринятого Аппу перед зачатием будущего Злого сына?

В глаза бросается разительный текстуальный параллелизм между формулами наречения этого «антигероя» и гомеровского Одиссея. В первом случае формула звучит: «Поскольку мои отчие боги не выбрали благого пути, но держали злой путь, да будет ему имя «Злой!». Во втором: «Поскольку я пришел сюда во гневе на многих мужчин и женщин, да будет ему имя «Гневный», «Ненавистник!». И там, и здесь «злое имя» оказывается

²² Siegelova. Op.cit. S.8 ff.

мотивировано предваряющим акт наречения «злым путем». При этом подобное истолкование Одиссея имени оказывается в гомеровском эпосе таким же гапаксом, как объясненная Пухвелом из хеттского семантика глагола $\text{prw}^{\text{h}}\text{e}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}$ в П., I, 290-291.

Не менее важно то, что перекликающиеся мотивы «Одиссеи» и хеттской сказки выступают в чрезвычайно сходных сюжетных рамках. Ближайшей, непосредственной рамкой оказывается конфигурация из двух актов – возложения ребенка на колени отцу или деду и последующего «изобретения», «нахождения» тем имени для новорожденного. Последний акт в обоих текстах обозначается словосочетаниями, продолжающими одну и ту же индоевропейскую формулу * (o)nom \bar{n} dheN $_1$ - «класть имя» - хет. *laman daiš*, гом. $\text{ὄνομα} \dots \theta\eta\alpha\iota, \tau\acute{\iota}\theta\epsilon\sigma\theta' \text{ ὄνομα}$ ²³. Что же касается акта возложения на колени, то по наблюдению Хоффнера, этот символический жест признания ребенка в качестве законного отпрыска и зачастую наследника широко засвидетельствован для позднего бронзового и начала железного века по всему Восточному Средиземноморью и Передней Азии²⁴. Он упоминается и в аккадских документах, и в «Илиаде» (IX,453-456), где Аминтор не желает принимать на колени ребенка, прижитого наложницей от Аминторова сына – Феникса; и в Ветхом Завете, где служанка Рахили рождает ей на колени сына от Иакова, а Иосифу кладут на колени детей его внуков (Быт.30:3,50,23; ср. также Руфь 4:1; Иов 31:12); а у хеттов также в восходящей к хурритскому прообразу «Песни об Улликумми», где в выражениях, почти дословно совпадающих с конструкциями «Сказки об Аппу» повествуется, как Богини Судьбы и боги Гулсы возложили новорожденное чудовище Улликумми на колени к его родителю – свергнутому царю богов Кумарби и тот давал имя отпрыску-

²³ Обзор отражений этой формулы в разных индоевропейских диалектах, с указанием, помимо греческого рефлекса, также древнеиндийского (*nāma dhā*), авестийского (*naman dā*), славянских (ст.-чеш. *dieti jmě*, польск. *dzieć imię*), старофригийского (*ono \bar{n} an $\delta\alpha\psi\epsilon\iota$*), лувийского иероглифического (*á-tí-ma-za-ni TUWA-ha*) см.: Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С.138-142. Об архаической и крайне редкой латинской формуле *ponen facere* см.: Цымбурский В.Л. Анхиз-Змей. К регенерации раннефракийского мотива в «Энеиде» Вергилия // ВДИ, 1996, №4. С.34. Парадоксально, что в собственно клинописных хеттских текстах Иванов не усматривает свидетельств этой индоевропейской формулы, за исключением ее предполагаемого косвенного преломления в древнехеттском словосочетании *ŠUM te-iz-zi* «имя говорит», где глагол *temi* «называть, говорить», возможно, выступает субститутотом созвучного *te \bar{h} hi* «класть». Но ведь оборот *laman daiš* в «Сказке об Аппу», самим Ивановым переведенной на русский язык, представляет эту формулу в ее исконном виде, с использованием глагола *te \bar{h} hi*.

²⁴ Hoffner. Op.cit. P.201.

мстителю²⁵. Однако на этом широком фоне сцена из XIX песни «Одиссеи» обнаруживает некоторые исключительные схождения с хеттскими нарративами. Только в «Одиссее», в «Сказке об Аппу» и в «Песне об Улликумми» возложение на колени является прологом к «положению имени», причем в изображаемом обряде взаимодействуют два актанта – именовположник и нянька, подносящая ему дитя (Эвриклея в «Одиссее», SAL.UMMEDA в «Сказке об Аппу»); в «Песне об Улликумми» эту роль исполняет группа богинь Судьбы (^DМАН.НІА) и Гулсов²⁶. В плане лексического обозначения данного акта гомеровскому ἐπὶ γούνασι θῆκεν соответствует хет. *ginuwaš halaiš* с тем же глаголом *halai-*, который используется и в аналогичном пассаже «Песни об Улликумми». Однако ритуальный текст КВо ХУП 61 Vs. 19, где исполнительница обряда (*haššawa*), уподобляясь няньке, говорит о себе [*nu-uš-ši-š*]a-an DUMU-an *gi-nu-ua-aš-ša-aš te-eḫ-ḫi* «ему (или ей) ребенка на колени я кладу»²⁷, показывает, что в хетто-лувийских языках этот же акт мог обозначаться и посредством рефлексов и.-е. **genu(o)s dheH-*, генетически тождественных (с диалектными нюансами) и паронимичных на слух греческой формуле ἐπὶ γούνασι θῆκεν.

Если всмотреться в более широкие нарративные обрамления сопоставляемых мотивов, то в глаза бросаются и другие, дополнительные сходства. Так, отмечаемое в сказке обитание Аппу «наверху (т.е. на горах) посреди его страны» (Vs. 1(9)*še-ir ...*(10)*KUR-e-kán iš-tár-na*), где обретаются его богатства (Vs.I (11) *ḫa-ap-pi-na-an-za G[UD^{НІА}]-uš-ši-iš* (12) *UDU-us me-ik-ki-iš* (13) *K[U.BABB]AR-ma-aš-ši GUSKIN-aš^{NІА} ZA.GI]N-aš ud-da-ni* (14) [*p*]a-an-ku *ḫu-u-i-ga-tar ma-a-an ḫa-aḫ-ḫa-ri-ia-an* «(11) богат, быки у него (12) и овцы премногие: (12) а в изделиях из серебра, золота и ляпис лазури у него (14) собран у него как бы целый h.»)²⁸ сопоставимо с проживанием Автолика в середине Греции на хребте Парнаса, где, по словам его, стоит его большой дом

²⁵ Güterbock H. The Song of Ullikummi // Journal of Cuneiform Studies. Vol.5, 1951., p.133: A, col.III(11) nu ^dGUL-šu-uš ^DM[АН.НІА-uš DUMU-an kar-pi-ir na-an-kan.A.NA ^dK]u-mar-bi (12) gi-nu-ua-aš ḫa-la-i[r ^dKu-mar]-bi-iš-za a-[ši] DUMU.NITA-an (13) du-uš-ki-iš-ki-u-ua-an da-a-[iš na]-an ku-un-ke-eš-ki-u-ua-an da[-a-iš] (14) nu ša-ne-ez-zi ŠUM-an[xx] [p]é-eš-ki-u-ua-an da-a-iš (11) «вот боги Гулсы и Богини Су(дбы ребенка подняли и его к К)умарби (12) на колени положили (Кумар)би сыну (13) радоваться ст(ал и) его нянчить ст(ал)(14) и начал давать ему «сладкое» имя».

²⁶ О роли SAL UMMEDA в хеттских «обрядях рождения» см. Hoffner.Op.cit. P.199 sq; Beckman.Op.cit. P.48 sq.

²⁷ Beckman Op.cit. P.42; cp. Hoffner.Op.cit. P.201.

²⁸ Siegelova Op.cit. P.4 sq.

и пребывают его богатства (см. Od.XIX, 409-413: αὐτὰρ ἐγὼ γε/ ὄπλοτ' ἄν ἠβήσας
μητρώιον ἐς μέγα δῶμα/ ἔλθη Παρνησόνδ' ὅθι πού μοι κτήματ' ἔασιν/ τῶν οἱ ἐγὼ
δώσω καὶ μιν χαίροντ' ἀποπέμψω. «...А я, /(когда он (Одиссей), достигнув юности,
в большой дом своего деда по матери /придет – на Парнас, где находятся мои
богатства, /из них одарю его и отпущу радостного». Также и слова Евриклеи к
Автолику о младенце Одиссее πολυάρητος δὲ τοῖ ἐστὶν «ибо он для тебя
многожеланный», буквально «тот, о котором ты много молился» (от греч. ἀρά
«молитва») перекликаются с сетованиями бездетного Аппу перед Богом Солнца
об отсутствии потомков. Кстати, отголосок той же хеттской сказки можно было
бы предположить и в другом месте гомеровской поэмы, когда Гермес
«уподобясь юноше» (Od.X,278 νεηνίη ἀνδρὶ ἑοικώς) наставляет Одиссея взять у
Кирки перед соитием клятву «да не сделает тебя, обнаженного, слабым и
немужественным» (ст.301). Не напоминает ли этот пассаж той сцены, где бог
Солнца, «уподобясь юноше» (Vs. I,42 ^{LU}GURUŠ-an-za ki-ša-at) избавляет Аппу
от мужской немощи?²⁹

Идя далее, можно бы отметить такую деталь, которая,наверное, должна
была бы впечатлить ионийского аэда, уроженца греко-анатолийского
культурного и лингвистического пограничья, если бы ему пришлось
знакомиться с некой версией «Сказки об Аппу» в каком-то хетто-лувийском
языковом воплощении. Я имею в виду парономасическое созвучие между греч.
Παρνη(σ)σός как обозначением горного обиталища Автолика и
местонахождения его «большого дома» и хет.-лув. рагна- «дом» (см.хет. рагна-,
косвенная падежная основа от rīr «дом», лув. иерогл., клин. рагна- «дом», лик.
rīnawate «строит», rīnezi “οἴκεϊος»).³⁰ В частности, в хеттской передаче
сказки эта именная основа три раза повторяется в составе конструкции rār-na-
aš-ša i-ia-an-ni-iš «пошел в дом свой», rār-na-aš-ša i-ia-an-ni «иди в дом свой»
применительно к Аппу (Vs.I,24-25, II,6-7,10-11). Практически в любом
пересказе данного фольклорного сюжета на языках хетто-лувийской семьи
(кроме лидийского, где bir(a)- «дом» непосредственно соответствует хеттской
основе прямых падежей rīr) упоминания о доме Аппу перекликались бы на слух

²⁹ Siegelova. Op.cit. S.6 sq.

³⁰ Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967 С.147 с
литературой; там же вслед за Л.Палмером (Palmer L. Minoans and Mycenaens. N.-Y. 1962. P.26,
241 sq.) в рамках гипотезы о лувийском присутствии на Балканском полуострове в ранне- и
среднебронзовом веке развивается мысль об отражении в греч. Παρνησός, обозначении горы со
знаменитым святилищем той же хетто-лувийской основы в значении «храм, дом бога».

выходца или потомка выходцев из Греции с наименованием резиденции богача Автолика, стимулируя – при прочих отмеченных рамочных сходствах – частичную конвергенцию сюжетов, перенос отдельных мотивов из одного в другой. Я склонен думать, что именно так могло обстоять дело с мотивом «злого пути» как причины наречения ребенка «злым именем».

Наконец, с некоторой толикой предположительности, допустимо и еще одно параномасийное соприкосновение двух повествований. Имя Злого брата в сцене наречения, выглядящее на письме как ^{LU}HUL-lu, однозначно читается похеттски *Idalu*³¹. Лувийским же соответствием к хет. *idalu-* «злой» являлось *aduwal(i)-*. Есть все основания допускать, что именно так Злой брат должен был бы зваться в лувоязычной версии сказки, каковая, если следовать лингвогеографическому критерию, с наибольшим правдоподобием могла бы бытовать на большей части осваиваемого греческими колонистами малоазийского приморья. Но при этом слух греческого рецептора-билингва вполне мог бы ухватить переключку имени *Aduwal(i)-* с начальной частью греч. *Αὐτόλοκος* «Сам-Волк», «Оборотень», что и давало повод превратить Автолика в главное действующее лицо сцены, смоделированной по образцу эпизода наречения из «Сказки об Аппу» (причем дополнительным, подкрепляющим стимулом могло бы послужить и частичное более отдаленное созвучие форм *Adu-wali-* ? *Ὀδυσσεύς*)³².

Таким образом, мы видим между этими нарративами целый ряд схождений, часть которых следует рассматривать как исходные переключки двух независимых друг от друга сюжетов, а другую часть как стимулированное этими переключками уподобление эпизода «Одиссеи» также и в других его моментах эпизоду анатолийской, хетто-лувийской сказки.

³¹ Hoffner. Op.cit. P.201; там же указание на то, что в контекстах, где данный персонаж выступает просто как Злой брат – а не «брат по имени «Злой» - обычно написание ^{LU}HUL-aš (Rs. IV,4,8,21,24,28; в IV,4,24 по спискам имеем также ^{LU}HUL-ра-aš, где HUL читается как *huwappa-*).

³² О лувийской клинописной форме см. : Ларош Э. Очерк лувийского языка. // Древние языки Малой Азии. М., 1981. С.227; Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Berlin etc.(Mouton), 1984. P.491 sq.; см.также о вариантах лув.иерогл. *ātuwata-*, *átuta/i-* «злой» - Puhvel. Op.cit. P.492; Meriggi P. Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar.2-te Aufl. Wiesbaden, 1962. S.44. Примечательно, что лувийские диалектные версии данного прилагательного могут образовывать своего рода соединительно-трансформативную цепочку [*aduwala-* ~ *aduwata-* ~ *aduta-* ~ *aduti-*] крайние звенья в которой оказываются паронимами к греческим звукокомплексам *Αὐτόλοκος* и *Ὀδυσσεύς*, именам эпических «крестного» и «крестника».

Что же в целом можно сказать о генезисе «парнасского» или «автоликовского» отступления из XIX песни «Одиссеи» в свете предложенных наблюдений? Почти 20 лет назад в одной из моих первых, юношеских работ я специально писал о важности этого отступления для реконструкции ранних характеристик и привязок образа Одиссея³³. Основные положения той статьи я поддерживаю сейчас. Вся история восхождения Одиссея на Парнас в ст.413-466 – его появление в доме Автолика за обещанными подарками и устроенный в честь него пир (ст.413-425); выход утром на охоту в компании сыновей Автолика, схватка с кабаном, поднявшимся из чащ, которых «не продувала влажная сила веющих ветров, ни блещущее солнце не бросало туда луча, ни дождь не проникал» и победа над зверем (ст.429-434); обретение Одиссеем в этой битве шрама (οὐλή) той метки, по которой его позднее, вернувшегося на Итаку из морских скитаний в измененном обличье, будут опознавать его домашние и приверженцы (XIX, 390-394; XXI, 217-221); исцеление его раны заклятьями, которые исполняют сыновья Автолика, окончательное излечение героя в Автоликовом доме и отправка домой, щедро наделенного подарками (ст.455-462) – представляет изложение юношеской инициации Лаэртида в доме его деда по матери. Шрам – инициационная отметина – будучи перенесен из этого вставного рассказа в основной сюжет «Одиссеи», исполняет в нем ту же функцию опознавательного знака на героя, вернувшемся из потусторонних скитаний, опять-таки пережившем временную смерть. При этом греческая звуковая форма обозначения этого шрама - οὐλή - конечно же, изначально отсылала к оставленным за рамками гомеровского эпоса формам имени того же персонажа, демонстрирующим плавную фонему – 'Ολυττεύς,' Ολλυτεύς,' Ολισεύς, ср. также итальянские рефлексy Olixes, Ulyxes, Ulixes³⁴. Мотив инициационной схватки с кабаном отражает то же представление о специфической («тотемной») связи Одиссея и Автолика со свиньей, которое получает вырожденные претворения в ряде ситуаций эпоса – будь то шлем Автолика с кабаньими клыками на голове пускающегося в ночную разведку Одиссея «Долонии» (II, X, 260-271); или обращение спутников Одиссея в свиней в доме Кирки и спасение самого героя от этой участи милостью Гермеса, Автоликова божественного

³³ Цымбурский В.Л. Древнебалканские мифологические истоки гомеровского рассказа об Автолике. // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология, 1985 №4. С.62-68.

³⁴ Wüst Op.cit. Kol.1906-1909; Marot K. Odysseu-Ulixes // Acta antiqua Academiae Hungaricensis. Vol.8, 1960. P.1-6.

покровителя (Od., X,350-335, ср. XIX, 396-398); или, наконец, приют, который Одиссей обретает по возвращении на Итаку в доме свинопаса Эвмея, закалывающего в честь гостя лучшую свинью, выделяя из нее специальную долю Гермесу (Od.XIV, 413-435).

Происхождение Одиссея по матери от Автолика, парнасского хитреца, «превзошедшего всех людей в воровстве и нарушении клятв» (Od.XIX, 395-396), по одной из версий – Гермесова сына, получившего от отца дар делать невидимым украденное добро (Pherecyd. FGH I,92, F120), указывает на континентально-греческие истоки образа до его пересадки на Кефалленский архипелаг, по-видимому, какой-то группой греков-мигрантов. В моей старой статье я упоминал по этому поводу легенды о женитьбе Одиссея, покинувшего Итаку, на царице эпирских феспротов и основании им городов в Эпире (Ard.Ep. VII,34; Schol.Lycophr.,800; St.Byz. s.v. Βούνεϊα), о смерти его в Этолии и превращении его здесь в пророчествующего демона по имени Эврит (Ard.Ep.VII,40; Schol.Lycophr. 799); даже о его происхождении из Беотии (Lycophr. 782-783; Plut.Quaest.gr. 43) – неясно, из исторической ли Беотии (древней Кадмеи) или из предполагаемой фесссалийской прародины беотийских племен (Thuc.I,10).

Восстанавливаемая древнейшая привязка «Пра-Одиссея» к Западной и Центральной Греции усиливает версию об имени парнасского оборотня и чародея Αὐτόλοκος как о результате греческой адаптации догреческого прототипа имени Одиссея с плавной зубной фонемой. Иногда полагают, что эта древняя форма непосредственно присутствует во второй части новообразованного композита (Αὐτ)-όλοκος. С другой стороны можно предположить и то, что звучание Αὐτόλοκος обыгрывает в целом необычную для греческого слуха звуковую оболочку вроде *Od^λuks-/ *Ud^λuks-³⁵. Под этим переосмысленным именем греческая мифология сохранила фигуру «Пра-Одиссея», «еще не превратившегося в лесного разбойника и колдуна в морского скитальца», причем в какой-то момент этот «Пра-Одиссей» был переосмыслен в предка, совершающего инициацию над своим островным потомком.³⁶

³⁵ См.: Carpenter R. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley-Los-Angeles. 1946.Р.130 sq.; Цымбурский, Древнебалканские истоки...с.66 (со старой литературой).

³⁶ См. о мифологии Автолика также: Marot K. Autolykos// Minoica und Homer. В., 1961, S.27. В указанной моей работе я ссылаюсь на работу О. Шмидеберга, показавшего, что два растения, специфически связываемых в эпосе с Одиссеем – загадочное ρόλλο, спасшее его от колдовства

Таким образом история хождения Одиссея к Автолику и охоты на Парнасе должна представлять старый балканский сюжет, который мог оформиться когда угодно с первой половины II тыс. до н.э., времени расселения греков по Балканскому полуострову и их проникновения на острова Ионического моря. Неизвестно, мог ли в этом раннем предании Автолик выступать «крестным», дающим имя внуку и как, собственно, это имя тогда звучало. Однако в том виде, как это балканское предание предстает у Гомера, оно оказывается существенно доработано под воздействием анатолийской сказки, из которой могли быть заимствованы как общая ситуативная схема – ролью няньки в обряде, возложением младенца на колени нарицателю имени – так и мотив «злого пути», обосновывающий «злое имя».

В конечном счете, этот результат работает на общую характеристику гомеровских поэм как «эпоса этно-культурного пограничья», - эпоса концептуальными «донорами» которого, помимо греков, могли выступать также и сосуществовавшие с ними негреческие народы Малой Азии.³⁷

Post scriptum.

Кирки и некий «яд из страны Эфиры», коего отчаянно страшатся женихи Пенелопы (Od. I, 249-262; II, 325-330), скорее всего, соответствуют двум видам морозника (*Helleborus*). В первом Шмидеберг доказательно усматривал *Helleborus niger*, белое растение с черными корнями, цветущее в зимнее время на Кефаллени, а также на склонах Эты, Коракса и Парнаса в «автоликовых краях». Яд же из Эфиры он отождествлял с соком *Helleborus orientalis*, распространенного особенно в Эпире (Schmiedeberg O. Über die Pharmaka in Ilias und Odyssee. Strassburg, 1918, S.14-24).

К этому не утратившему значения очерку, доказывающему континентально-греческие привязки всей ботанической атрибутики Одиссея, следовало бы присоединить указание на то, что в античности некий вид морозника прямо носил прозвание *αὐτολύκιον* «автоликов цвет» (Hippiatr. 26). Словарь Лидделл-Скотта полагает, что речь в этом случае должна идти о белом (или ложном) морознике, под каковым понимался вид чемерицы *Veratrum album* (Liddell H.G. & Scott R. A Greek-English Lexicon, vol.1, Oxford, 1940. P.281; Schmiedeberg Op.cit., S.18-19). Однако Шмидеберг отмечал, что скудно распространенный в Греции *Veratrum album* в античной ботанике часто смешивается с *Helleborus niger* и, похоже, входит в обиход греческой медицины довольно поздно – примерно ко времени Гиппократу (Schmiedeberg. Op.cit., P.19, 21 ff.). Не могло ли «автоликовым цветом», само название коего указывает на связь с районом Парнаса, именоваться в этих краях то самое растение, которое под именем *μῶλον* сохранило Одиссея на острове Кирки?

³⁷ Интереснейшее предположение о том, что «гениальный поэт мог быть даже и не греком по происхождению», а одним из «полуварваров», усвоивших с детства греческий язык и греческую культурную традицию, подобно Фалесу или Геродоту, см.: Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера// Гомер. Илиада.(Серия «Литературные памятники»). Л., 1990. С.400.

Благодарю А.А. Немировского, сообщившего мне – со ссылкой на хурр. lulaḥḥe «чужак, чужеземец», хетт.-лув. lulaḥḥi с тем же значением, формы, как предполагается, образованные от названия страны Lullu – что это название могло выступать в сказке об Аппу как обозначение неопределенной дальней земли на краю мира, «некоторого царства, некоторого государства» (реальная страна Лулли, в самом деле пребывала на горно-восточном краю хетто-хурритского пространства).
